

# КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ: ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО, РАЗЛИЧИЕ, КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Елена Гапова<sup>1</sup>

– А чем беременная женщина юридически отличается от небеременной женщины и вообще от любого другого гражданина?

– Ну, ребенок в животе не совершал преступления.

*Из сетевой дискуссии по делу  
С. Бахминой*

## Abstract

The equality (equal treatment of men and women) vs. difference (special treatment of women as potential mothers) debate has accompanied women's struggle for inclusion. It resurrupted itself in the social laboratory of transition to capitalism in the post-socialist region, where the social contract changed drastically. Special treatment and welfare provisions, as well as gender and class relations, are being reconsidered and negotiated. By treating transition to capitalism as a real-life case-study, this paper bespeaks a broader orientation to provide a model for understanding the "equality vs. difference" conundrum, and to demonstrate how equality and difference are bound with the capitalist or socialist contract. Debates of gender can displace those of class and serve to express class concerns to argue for or against capitalism.

**Keywords:** citizenship, equality, difference, capitalism, socialism.

«Если женщина имеет право взойти на эшафот, она должна иметь право подняться и на ораторскую трибуну», – утверждала феминистка, писательница и политическая активистка времен Французской революции Олимпия де Гуж, составившая «Декларацию прав женщины и гражданки» (1791) в ответ на «Декларацию прав человека и гражданина». Женщина, считала де Гуж, должна обладать теми же правами, что и мужчина. Если ее можно судить, закон должен предоставлять ей все те права и обязанности, что и каждому самостоятельному человеку и гражданину, несущему ответственность за свои поступки. Отправленная через два года за свою политическую деятельность на гильотину, де Гуж заявила,

<sup>1</sup> Елена Гапова – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии, Университет Западного Мичигана (США).

что ожидает ребенка (что предполагало отмену казни), но проводившие осмотр тюремные врачи не подтвердили беременности. Выстроенная де Гуж аргументация, где «право взойти на эшафот», т.е. нести ответственность за себя в качестве обладающего свободной волей субъекта и гражданина, соположено с «правом подняться на трибуну», т.е. реализовать свою автономию и гражданский статус путем полноценного общественного участия, находится в самом центре проблемы равенства. Вместе с тем неудавшаяся попытка избежать казни, добавляя горькой иронии к ее собственной истории, позволяет увидеть всю сложность проблемы женского гражданства и гендерного равенства в целом.

В основании либеральной парадигмы, которой следовала де Гуж, лежит представление, что все люди являются «по природе свободными, равными и независимыми», а потому «никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия»<sup>2</sup>. В таком случае женщины – как люди – равны мужчинам и должны быть подвержены одинаковому с ними обращению. Однако женщины отличны от мужчин: они (даже если потенциально) являются матерями, и дети, находящиеся у них в утробах, ни в чем не повинны, во-первых, и необходимы государству для его собственного продолжения – во-вторых. По этой причине женщинам полагается «особое обращение», обычно именуемое защитой. Это утверждение, основанное на признании различия (женщины – другие, отличные от мужчин), находится в противоречии с исходным. Если женщинам назначить особое обращение, лишив их «права» всходить на эшафот, они превращаются в заложниц материнской роли и теряют статус автономных независимых субъектов, с которых можно «спросить» и кто, обладая свободной волей, сами принимают решения относительно своей судьбы. Уместно вспомнить, что исторически автономия и право на полноценное общественное участие (гражданство) были прерогативой тех, кто носит оружие и участвует в войнах, защищая *patria*, а, следовательно, может погибнуть. Женщины же (как производительницы детей) были лишены доступа к оружию и, предполагалось, защищены от опасности погибнуть в битве<sup>3</sup>, а образ жены и матери, умоляющей солдата – мужа, отца или брата – о защите, давно стал частью европейского патриотического стандарта. Однако эта гендерная символика находится в противоречии с принципами либеральной демократии, в основании которых лежит представление о самостоятельных и ответственных индивидах, осуществляющих свободный выбор. Впоследствии основной автономии стало не ношение оружия, а способность гражданина самостоятельно себя обеспечивать. В любом случае до настоящего времени остается не до конца ясным, каким образом можно

<sup>2</sup> Дж. Локк: Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 томах / Дж. Локк, Пер. с англ. и лат., М. 1988, т. 3, 317.

<sup>3</sup> Интересно соотношение понятий «лишить» и «защитить»: *лишенные права* оказываются *защищенными*.

включить в систему либерального равенства женщин (т.е. «других», отличных от мужчин) и одновременно оставить нетронутыми его номинально безразличными, но исходящие из представления о «мужском» субъекте основания.

Описанная дилемма, известная в политической теории как противостояние равенства и различия, неожиданно актуализировалась в постсоциалистическом регионе, где в условиях «контролируемого социального эксперимента» происходит фундаментальное изменение общественного договора, а также перестройка гендерных и классовых (экономических) отношений. Как известно, при социализме женщины обладали статусом «работающих матерей»<sup>4</sup>: им полагались многочисленные льготы, они подлежали защите и «особому обращению» и, таким образом, частично лишались автономии, признания свободной воли и независимой субъектности за пределами материнства. В начале 1990-х произошел демонтаж устоявшейся системы распределения и социальной защиты, когда социалистический порядок был «одномоментно» заменен неолиберальным общественным договором, в идеале предполагающим, что граждане автономны, свободны и сами несут ответственность за свое благополучие. Опыт автономии привел к коллективному осознанию того, что в условиях неограниченного рынка женщины с детьми, пожилые люди, инвалиды, беженцы и многие другие оказываются социально неуспешными, т.е. не могут себя обеспечить. Последовавший за этим рост требований восстановить социально-ориентированную модель распределения, т.е. особое обращение с некоторыми группами, сопровождался изменениями в электоральных приоритетах. Во многих странах региона в результате открытых и демократических выборов к власти приходили «социалистические» (социал-демократические) или «антилиберальные» режимы и партии, которые не полагаются на «невидимую руку рынка», а используют политику распределения ресурсов, основанную на договоре. Подобные политические изменения имели место в Беларуси, России, Украине, Польше, Венгрии и других странах. В это же время общественные дискуссии в постсоветских странах стали все чаще касаться гендерных тем: аборта, демографии, мужественности и женственности, присмотра за детьми и заботы о стариках, предпочтительного состава семьи, сексуальной нормы и т.д. В основании этих дискуссий часто находится (не всегда осознаваемая) проблема «защиты» и «автономии», или «равенства и различия».

Описанные тенденции могут быть предметом интереса со стороны многих дисциплин; в данной статье они принимаются за исходную точку для продвижения феминистской дискуссии по проблеме равенства и различия. Несмотря на то, что гендерным отношениям при социализме и после него посвящено значительное

<sup>4</sup> См., например, А. Темкина, А. Роткирх: Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования*, 2002, № 11, 4-15.

количество работ<sup>5</sup>, регион обычно рассматривается в качестве отдельного случая, отстоящего в стороне от «столбовой дороги» истории женского освобождения, и редко принимается во внимание феминистскими теоретиками. Я рассматриваю постсоветские «колебания» между равенством и различием как важное свидетельство, на основании которого можно сделать предположения относительно того, как женская автономия (гражданство) соотносится с более общим социальным порядком, а именно капитализмом или социализмом (как принципами распределения ресурсов посредством рынка или специальной политики). В постсоветском регионе, где за последние двадцать лет сложилась новая система экономического неравенства, дискуссии о реконфигурации гендерных ролей и отношений сопряжены с обсуждением социальной защиты (т.е. роли государства и индивида) и тех принципов, в соответствии с которыми следует распределять ресурсы. Иными словами, дискуссии о гендерном равенстве могут быть способом обсуждения предпочитаемого общественного устройства: «социализма» или «капитализма».

Эти дебаты лежат в русле общемировой дискуссии о гендерном равенстве, в фокусе которой в разные периоды оказываются различные проблемы. В США, например, в последние годы много писалось о том, что успешные руководительницы фирм и отделов в крупных компаниях нередко бросают карьеру, чтобы иметь возможность больше времени посвящать детям и семье, и авторы материалов часто задавались вопросом, возможно ли в принципе реализовать феминистскую мечту совмещения семьи и работы. В это же время президент Обама заговорил о необходимости расширения сети *государственных* детских садов, помещая, однако, эту проблему в контекст детского раннего развития, а не гендерного равенства<sup>6</sup>. Очевидно, в основании обеих этих тем лежит проблема равенства и различия: речь идет том, могут ли женщины быть успешны (т.е. «равны») в капиталистической системе, выполняя женские «обязанности», или же система должна «пойти им навстречу» для обеспечения как равенства, так и поддержки биологического воспроизводства.

Постсоциализм дает возможность изучать указанную проблему «в реальном времени» и показать, что проблема гендерного равенства не может быть отделена от вопроса классовой стратификации и социального порядка. Опираясь на существующие работы о соотношении гендера и класса в регионе<sup>7</sup>, я намереваюсь проде-

<sup>5</sup> Ввиду многочисленности работ нет возможности останавливаться на их перечислении.

<sup>6</sup> Вопрос был в том, где дети развиваются лучше, в семье или детском коллективе.

<sup>7</sup> См., например, E. Gapova: *Conceptualizing Gender, Nation and Class in Post-Soviet Belarus* // *Post-Soviet Women Encountering Transition: Nation Building, Economic Survival, and Civic Activism* / С. Nechemias, К. Kuehnast (eds.) 2004, Washington, DC; Baltimore 2004, 85-102; *Rethinking Class in Russia* / S. Salmenniemi (ed.). Farnham, UK: Ashgate 2012; Новый

монстрировать, что дебаты относительно гендера становятся способом выражения классового беспокойства и аргументом в споре между приверженцами и противниками «капитализма». Гендерные дискуссии не могут обойти вопрос класса, т.к. сам концепт гендерного равенства исторически исходил из необходимости уравнивать женщин, изначально «противопоставленных» работающему человеку и гражданину, с мужчинами того класса, который обладает ресурсами.

Текст структурирован следующим образом. В первой части излагаются некоторые теоретические основания концепта женского гражданства и прослеживается логика исторических «колебаний» между равенством и различием, после чего конкретизируются исследовательские вопросы. Далее обсуждение переходит к рассмотрению конкретного кейса: дела Светланы Бахминой, которая забеременела, находясь в тюрьме. Развернувшиеся в публичной сфере дискуссии относительно того, следует ли ее освободить как мать и беременную женщину, или оставить отбывать срок как равную с мужчинами гражданку, разделили российское общество. Т.к. Бахмина являлась состоятельной женщиной, разделение в отношении равенства и различия превратилось в референдум относительно классового неравенства, рыночной экономики, справедливости и социального государства. Таким образом, дело Бахминой стало своеобразной «линзой», которая помогает увидеть, как равенство и различие соотносятся с капитализмом и социализмом, что и становится темой дальнейшего обсуждения в тексте.

### Гражданство и концепт «женщина»

В основании дискуссии о равенстве и различии находится не до конца разрешенная дилемма вписывания *различных* биологических тел в социальную систему на *равных* основаниях. Исторически определяющим признаком «женщин» была их роль в репродукции, а онтологической основой этой роли являлось материнство (как биологическая функция). Это явилось одним из конституирующих факторов категории политического<sup>8</sup>, т.к. женские репродуктивные «обязанности» должны быть включены в общую социальную систему, в рамках которой они рассматриваются либо как естественная функция, либо как репродуктивный труд, и, соответственно, «оплачиваются» при помощи льгот (при социализме) или считаются частным делом (в идеальной рыночной системе). В контексте этой статьи важно проследить, при каких условиях женщины как «воспроизводящие» индивиды могли наделяться

---

быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А.Тёмкина (ред.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге 2009.

<sup>8</sup> С. Buck: Engendering the Political for Feminism: Citizenship and American Motherhood // *Women's Rights: the Public/Private Dichotomy*, Amsterdam 2005, 145.

правом на автономию, т.е. гражданством, или, наоборот, лишаться его.

Попытки теоретизировать женское «отличие» (т.е. репродуктивную роль) как причину невключения в гражданство (признания автономными субъектами) берут начало в ранних европейских демократиях. Категория гражданства, предполагающая автономию и право на принятие самостоятельных решений, означает статус в сообществе: человек может быть гражданином, автономным индивидом (носителем прав и обязанностей) только в том случае, когда его признают таковым другие. Аристотель считал гражданство привилегией, основой которой является «дружба, основанная на добродетели» (*virtus*), т.е. способность к особой связи. Ее начала он видел в человеческой природе и отказывал в гражданстве на основании неспособности к проявлению такой дружбы двум категориям людей: женщинам и рабам<sup>9</sup>. Женщины и рабы действительно имели нечто общее: они не были хозяевами самих себя и, таким образом, не имели ресурсов и возможностей для участия в общественной жизни и зависели от внешнего подтверждения личной автономии: «В отличие от мужчин, репутации женщин всегда зависят от того, что о них думают другие»<sup>10</sup>.

В очередной раз женское невключение в гражданство на основании их «особых качеств» было теоретизировано в предреволюционной Франции XVIII века. Как и Аристотель, мыслители эпохи Просвещения полагали, что женщины не обладают качествами автономных субъектов, являясь по своей «природе» нерациональными, неспособными к независимым суждениям и постижению концепта объективности, приоритета общего блага над личным интересом, к ответственности за себя и к саморепрезентации. Ж.-Ж. Руссо при формулировании общественного договора указывал, что «женщин следует исключить из публичной сферы гражданства, т.к. они принадлежат к сфере частного, являясь носительницами эмоционального, телесного и относящегося к сфере желания»<sup>11</sup>. Д. Дидро также приписывал женщинам пассивность и полагал, что «женская природа» коренится в биологии. В послереволюционный период женский зависимый статус был закреплен Кодексом Наполеона, в рамках которого женщины были определены как «неполноценные» («incapacitated») <sup>12</sup>.

<sup>9</sup> О гражданстве у Аристотеля см.: D. Heater: *Citizenship: The Civic Ideal in World History, Politics and Education*, Vancouver, BC: University of British Columbia Press 2002, 4-6.

<sup>10</sup> J. Simon-Ingram: *Expanding the Social Contract: Rousseau, Gender and the and the Problem of Judgment // Comparative Literature*. 1991. V. 43. No. 2, 144.

<sup>11</sup> См.: I. M. Young: *Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critique of Moral and Political Theory // Feminism as Critique*, S. Benhabib, D. Cornell (eds), Oxford 1987, 66.

<sup>12</sup> M. Hakesworth: *Gender and the Public Sphere. // Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, 2007. No.1, 343.

Установление капиталистического порядка связано с двумя тенденциями в отношении женского статуса. С одной стороны, женщины буржуазной эпохи были неавтономны и приписаны к частной сфере. В условиях «викторианской революции» – так американский социолог Рэндал Коллинз обозначает период формирования и гендерного оформления буржуазных отношений в XIX веке – разделение труда между полами становится еще более выраженным, т.к. складывается класс, чье благосостояние связано исключительно с профессиональной и коммерческой деятельностью (а не владением землей, как, например, в Средние века). Женщины, чье социальное присутствие ограничивается, за редким исключением, строго очерченной частной сферой, оказываются от такой деятельности отстранены и получают средства к существованию от мужчин, обычно в рамках брачного союза<sup>13</sup>. Для этого они должны быть желанными для мужчин и недоступными вне брака, и, таким образом, в это время оформляется буржуазный женский идеал чистой и невинной девушки, добродетельной жены и матери, богини домашнего очага, доброго и нежного существа<sup>14</sup>. В результате разделение на частную и публичную сферы оказывается также и гендерным разделением, и почти повсеместно в капиталистической Европе замужняя женщина не признается в системе права в качестве независимого субъекта<sup>15</sup>.

Вместе с тем рынок позволяет женщинам обрести относительную личную автономию при условии включения в профессиональную деятельность и воздержания от участия в репродукции, т.е. в том случае, если они ведут себя «как мужчины». С формированием буржуазного класса закрепляется связь между вознаграждаемой занятостью и автономией, т.е. гражданским признанием, и в этом контексте политический теоретик Кэрол Пейтман указала на проблему обретения гражданского статуса индивидами, не имевшими в условиях рынка вознаграждаемой занятости и средств к самообеспечению. Она называет эту проблему «дилеммой Гегеля», так как «Гегель является первым политическим теоретиком, указавшим на моральную дилемму, возникающую тогда, когда гражданство подвергается воздействию капиталистического рынка». Как указывает Пейтман, он полагает, что «граждане, попавшие в нищету, лишаются средств как для самоуважения, так и для признания другими гражданами в качестве равных им»<sup>16</sup>. Гражданство

<sup>13</sup> R. Collins: *Sociological Insights: The Sociology of the Non-Obvious*, New York: Oxford University Press 1992, 119-154.

<sup>14</sup> В русской литературе эта идеальная буржуазная модель представлена в гончаровском «Обломове», где предприниматель Штольц, женившись на Ольге, начал развивать ее детский ум; Ольга воплощает эмоциональное начало, в то время как Штольц – рациональное. См. И.А. Гончаров: *Обломов*, Роман в четырех частях, Ленинград: «Наука». 1987.

<sup>15</sup> R. Lister: *Citizenship. Feminist Perspectives*, New York: New York University Press 1997, 67.

<sup>16</sup> C. Pateman: *The Patriarchal Welfare State // The Disorder of Women*, Stanford 1989, 182.

или автономия, т.е. признание другими, «реализуется при посредстве получения вознаграждения (заработка)», что является краеугольным основанием буржуазного (либерального) гражданства<sup>17</sup>. Социальный теоретик Томас Маршалл, автор понятия социальных прав, указывал в своей основополагающей работе по проблеме гражданства и классовой стратификации, что вопрос, как быть с «менее успешными» (на рынке) согражданами, являлся одной из основных политических проблем в Британии и Германии во время формирования там социальных государств<sup>18</sup>.

Исторически различия между теми, кто обладал необходимой автономией для реализации гражданского статуса, и теми, кто ее не имел, оказались двух видов: «Различия между экономически и социально независимыми и зависимыми и между мужчинами и женщинами»<sup>19</sup> (ср. с аристотелевским «женщины и рабы»). Такое же пересечение классового и гендерного порядков очевидно и в условиях неолиберального капитализма: женщины и бедные (и некоторые другие группы) обычно рассматриваются в системе социального обеспечения в рамках одной категории «нуждающиеся», потому что не в состоянии себя содержать. Как и бедняки, женщины часто не обладают ресурсами, необходимыми для того, чтобы реализовать автономию и быть признанными в качестве независимых субъектов, что происходит потому, что они заняты тем, чему не приписывается экономической ценности: они осуществляют репродуктивную деятельность, то есть рожают, вскармливают и заботятся.

В рыночной системе репродуктивная деятельность не рассматривается в качестве «работы» (хотя выполняющие ее могут быть заняты сутки напролет), потому что, как указывал К. Маркс, при капитализме «стоимость производит только тот труд, который обменивается на капитал»<sup>20</sup>: если товар не обменен (не продан), его стоимость не реализована и считается несуществующей. Репродуктивная деятельность осуществляется в той сфере, которая отделена от сферы производства и циркуляции стоимостей и кажется не имеющей отношения к их созданию, но все же *относится* к ней (т.к. вос-производит рабочую силу). Таким образом репродукция оказывается социально девальвированной деятельностью, т.к. работа, выполняемая женщинами в частной сфере<sup>21</sup>, не создает сто-

<sup>17</sup> K. Canning: *Class vs. Citizenship: Keywords in German Gender History // Central European History* 2004, V. 37, № 2, 226.

<sup>18</sup> T. Marshall: *Class, Citizenship, and Social Development*, Garden City, NY: Anchor Books 1965.

<sup>19</sup> J. Scott: *Only Paradoxes to Offer: French Feminists and the Rights of Man*, Cambridge: Harvard University Press 1996, 209.

<sup>20</sup> S. Coontz: *Revisiting Marx and Engels on the Family // The Socialist Feminist Project. A Contemporary Reader in Theory and Politics* / N. Holmstrom (ed.). 2002, 126.

<sup>21</sup> Неизвестные авторы текста «The Logic of Gender» (см.: *The Logic Of Gender: On the separation of spheres and the process of abjection // Endnotes*. 2013. No.3. URL: <http://endnotes.org.uk/en/endnotes-the-logic>

имости и не предоставляет женщинам средств для превращения в автономных субъектов. Для этого необходима оплачиваемая работа.

При социализме эта дилемма, казалось, была разрешена, однако возникли две другие. Марксизм настаивает на необходимости включения женщин в рынок труда для достижения гендерного равенства<sup>22</sup> (и по некоторым другим причинам), в связи с чем была выработана государственная социальная политика, позволявшая совмещать материнство и работу вне дома<sup>23</sup> (предоставлявшая практически бесплатный детский сад, льготы для матерей и т.д.). Признавая общественную значимость репродуктивного труда, советская власть вознаграждала его льготами и в некоторых случаях прямыми выплатами. При этом, однако, возникали две другие проблемы.

Во-первых, если ресурсы не распределяются посредством рынка, а предоставляются государством, автономия и гражданство остаются проблематичными, однако не для женщин, а для всего населения. При социализме никакая работа не обладала стоимостью (в том смысле, который существует при рынке), т.к. не являлась предметом обмена. Все члены общества должны были вкладывать свой труд в достижение общественного блага и затем получать от государства (как «отца») средства к существованию. Социализм лишал в некотором смысле независимой субъектности всех, не только женщин. Обещая и в значительной степени обеспечивая средства к существованию, он одновременно делал проблематичным гражданство, т.к. ресурсы, необходимые для обретения активного гражданства, не могут быть «даны»: они должны быть получены посредством обмена.

Второе соображение касается политических условий, необходимых для реализации такой распределительной политики. «Дружественное» по отношению к женщинам (и некоторым другим группам) распределение требует ограничения свободного рынка, т.е. введения социалистических принципов. Оно несовместимо с абсолютным преобладанием капиталистической рациональности и эффективности, т.е. с получением выгоды как прямой и непосредственной целью. Не удивительно, что среди требований таких финансовых институтов, как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд, консультировавших российское правительство

---

of-gender вводят термин «indirectly mediated market sphere» (IMM) – «косвенно медиированная рынком сфера» вместо понятия «частная сфера», т.к., по их мнению, эта сфера определяется не местом, где производится репродуктивная деятельность, но соотношением этой репродуктивной деятельности с обменом, рынком и накоплением капитала.

<sup>22</sup> Эта линия рассуждений берет начало в «Манифесте Коммунистической партии».

<sup>23</sup> E. Borozdina, A. Rotkirch, A. Temkina, E. Zdravomyslova: Using Maternity Capital: Citizen Distrust of Russian Family Policy // *European Journal of Women's Studies* 2014, July 22, 3.

после 1991 года, в качестве условия получения западных кредитов были указаны либерализация цен, отказ от дотирования продуктов первой необходимости и передача крупными промышленными предприятиями детских садов и других социальных учреждений на баланс муниципалитетов либо вообще их ликвидация. Как будет показано далее, когда социалистическая система распределения начала замещаться рынком, возродилось старое противоречие между производительным трудом (создающим стоимость) и репродуктивным (не создающим ее). Параллельно этому в регионе начали вестись дискуссии о равенстве и различии, к рассмотрению которых я обращаюсь ниже.

### Дело Светланы Бахминой

На пике своей видимости дело Светланы Бахминой было едва ли не столь же широко известным, что и дело группы Pussy Riot, по причине связи с делом Михаила Ходорковского, бывшего главы компании ЮКОС. Как известно, в 2004 году М. Ходорковский, российский нефтяной миллиардер, меценат и носитель серьезных политических амбиций, был обвинен в неуплате налогов и других крупных экономических преступлениях и приговорен к десяти годам лишения свободы (во время второго суда в 2011 году он был приговорен к тринадцати годам); в декабре 2013 г. он был освобожден по амнистии<sup>24</sup>. С самого начала это дело являлось средоточием острых дискуссий, достигавших в некоторые моменты накала дискурсивной «гражданской войны». Для российской (и западной) либеральной общественности М. Ходорковский воплощает, несмотря на свое комсомольское прошлое, образ свободного предпринимателя и гражданина, бизнесмена-романтика, жестоко наказанного В. Путиным за независимую позицию<sup>25</sup>. Сторонники другой точки зрения полагают, что М. Ходорковский – один из тех олигархов, кто в «лихие девяностые» стал обладателем огромных нефтяных ресурсов, не платил налоги и таким образом обогатился за счет обнищания и страданий народа. Существует мнение, что его нефтяная империя была построена не в последней степени за счет мошенничества и даже насильственных преступлений, а потому он получил по заслугам<sup>26</sup>. Тот факт, считают они, что другие олигархи, возможно, украли не меньше, ничего не меняет: те просто не попались или сумели откупиться. Таким образом, дело Ходорковского стало линией разделения в отношении к экономической либерализации, классового неравенства и социальной справедливости. Помимо этого, в нем оказалась и мощная гендерная составляющая,

<sup>24</sup> См.: Ходорковский, Михаил Борисович // *Википедия*. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ходорковский,\\_Михаил\\_Борисович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ходорковский,_Михаил_Борисович).

<sup>25</sup> Это дело известно многочисленными юридическими нарушениями.

<sup>26</sup> См., например, J. Ioffe: Remote Control. Can an exiled oligarch persuade Russia that Putin must go? // *New Yorker* 2015, January 12, URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/01/12/remote-control-2>.

связанная с делом Светланы Бахминой, члена Совета директоров ЮКОСа.

Арестованная в декабре 2004 года, С. Бахмина была приговорена к шести с половиной годам заключения в колонии строгого режима за участие в присвоении имущества и активов компании «Томскнефть-ВНК» и уклонение от уплаты налогов<sup>27</sup>. Ее двум малолетним детям, двух и шести лет, было сказано, что мама уехала в командировку. Так как С. Бахмина была осуждена за ненасильственное преступление и имела малолетних детей, в 2007 году ей был предоставлен двухнедельный «отпуск» для подготовки апелляции по своему делу, после которого она забеременела третьим ребенком. Для того чтобы понять дальнейшие события, необходимо иметь представление о некоторых гендерных аспектах российского уголовного законодательства.

Уголовный Кодекс Российской Федерации, так же как и кодексы других постсоветских стран, содержит положения, оставшиеся в наследство от советского периода и предусматривающие «особое обращение» с беременными женщинами и матерями малолетних детей. В частности, согласно Статье 82-й УК РФ, матери малолетних детей подлежат условно-досрочному освобождению (УДО), если были осуждены за ненасильственное преступление, отбыли более половины своего срока и не имели взысканий<sup>28</sup>. Родившиеся в заключении дети не могут быть разлучены с матерями и остаются с ними в специальной колонии до трехлетнего возраста<sup>29</sup>.

Случай С. Бахминой удовлетворял всем условиям, необходимым для досрочного освобождения: она была осуждена за ненасильственное преступление, отбыла более половины срока, имела двух малолетних детей и была беременна. В сентябре 2008 года ее школьная подруга написала открытое письмо Президенту России Дмитрию Медведеву с просьбой о помиловании и немедленном освобождении. Письмо вызвало огромный общественный отклик: о «бесчеловечном обращении с матерью» писали в прессе, дело обсуждали в социальных сетях, на работе и дома, по радио и на телевидении. В октябре 2008 года был запущен специальный сайт «Помогите Светлане Бахминой!» и начат сбор подписей в ее поддержку<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> См.: Бахмина, Светлана Петровна // *Википедия*, URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Бахмина,\\_Светлана\\_Петровна](https://ru.wikipedia.org/wiki/Бахмина,_Светлана_Петровна).

<sup>28</sup> *Уголовный кодекс Российской Федерации*, М.: Омега-Л 2013, Статья 82.

<sup>29</sup> На 1 мая 2014 г. в России в заключении находились 676 400 человек, из них 55400 женщин, что составляет менее девяти процентов всех заключенных. Согласно более ранним данным, среди них 245 беременных женщин. В учреждениях пенитенциарной системы находятся 517 детей в возрасте до тех лет См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // *Федеральная служба исполнения наказаний*, URL: <http://www.fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

<sup>30</sup> См.: *Обращение к Президенту России с просьбой о помиловании Светланы Бахминой*, URL: <http://bakhmina.ru/ru/>

К моменту досрочного освобождения С. Бахминой в апреле 2009, через пять месяцев после рождения ею в тюремной больнице девочки, под письмом подписались 96028 человек, что, возможно, является наиболее масштабной кампанией, когда-либо организованной в русскоязычном сегменте Интернета<sup>31</sup>. Помимо россиян и жителей других постсоветских стран, обращение подписали несколько сотен жителей США и Израиля (очевидно, русскоязычных эмигрантов), которые часто апеллировали к милосердию и «величию русской души». Почти одновременно было запущено второе письмо с требованием оставить Бахмину в тюрьме до окончания срока. Оно собрало около трех тысяч подписей.

Дело С. Бахминой разделило общество по линии отношения к *равенству* («не освобождать, т.к. женщины не должны получать особое обращение») и *различию* («освободить, так как речь идет о беременной матери маленьких детей»), а также стало референдумом по проблеме экономического неравенства и классового разделения, рынка и роли государства в распределении ресурсов, т.е. социализма и капитализма. Таким образом, на примере этого дела можно проследить, как в произошедшей дискуссии равенство и различие были соотнесены с капитализмом и социализмом.

### Казнить нельзя помиловать

В течение нескольких месяцев 2008 года дело Бахминой активно обсуждалось в публичном пространстве: в печатных и электронных СМИ, социальных сетях, в том числе в феминистских сообществах. Для анализа были отобраны три культурных свидетельства, которые позволяют получить представление об аргументации различных сторон, участвовавших в обсуждениях. Чтобы понять, как рационализируют свою позицию сторонники освобождения («особого обращения»), были рассмотрены письма поддержки. Для того чтобы получить представление о противоположной позиции, я обращаюсь к телевизионному ток-шоу, где сторонники и противники освобождения имели возможность обосновать свои позиции. И наконец, чтобы понять, как в контексте этого дела видятся непосредственно *женские интересы*, я обращаюсь к дискуссии, имевшей место в сообществе *Feministki* в «Живом журнале» (ЖЖ) – популярной в постсоветском регионе блогерской платформе.

Для того чтобы выкристаллизовать аргументы различных сторон, в рассматриваемых дискуссиях выделялись суждения относительно материнства, родительства, интересов ребенка, социального обеспечения, рынка, льгот и других вопросов, имеющих отношение к обоснованию той или иной точки зрения. Затем суждения, выражающие близкие точки зрения, были сгруппированы вместе, и из них извлекались рационализирующие основания, или «гендерно-моральные рационализации» («*gendered moral rationalities*»).

<sup>31</sup> А. Носик: Исповедь прогульщика // *Сноб*, 2008, 2 августа, URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/22247?page=2#all.comments>.

Этот термин был введен британским социологом С. Дунканом при изучении классовых различий во взглядах на материнство. Дункана интересовало, каким образом группы женщин, принадлежащих к различным классам – он использует выражение «class-groups», т.е. профессионалы, принадлежащие к среднему классу, рабочие, домохозяйки и т.д., – разясняли свою точку зрения на отношения между матерью и ребенком, как понимали интересы ребенка, а также какую модель присмотра за ребенком (в детском саду, при помощи няни, членов семьи или как-то иначе) считали предпочтительной. Доводы, при помощи которых опрашиваемые обосновывали свой выбор, и были названы *gendered moral rationalities* (*гендерно-моральные рационализации*): они «являются гендерными, т.к. имеют отношение к материнству; они являются моральными, т.к. отвечают на вопрос, какое поведение считается правильным, и они являются рационализациями, т.к. предоставляют рамку для принятия решений»<sup>32</sup>. Иными словами, гендерно-моральные рационализации можно рассматривать как устойчивые убеждения относительно того, как должны быть организованы гендерные отношения и как следует решать «женские проблемы». Те рационализации, которые важны в данном случае, связаны с вопросом, почему женщинам следует или, наоборот, не следует назначать особое обращение при отбывании наказания.

#### *а. Помиловать*

Самым распространенным аргументом среди подписавших обращение за досрочное освобождение С. Бахминой являлось милосердие: «Господин Президент! Будьте милосердны! К милосердным и Бог являет милость» (Такома, провайдер)<sup>33</sup>. Желая рационализировать проявление милосердия как моральный акт, люди обычно стремятся апеллировать к некоей общей перспективе, согласно которой заключать в тюрьму матерей маленьких детей неправильно в принципе:

«Если Светлана Бахмина и виновата, она уже наказана. Тот же, кто будет милостив к падшим, будет уважаем и любим народом. Светлану Бахмину ждут дома дети, скоро родится еще один малыш. Пусть этот ребенок родится на свободе. Этот малыш очень страдает у мамы в животе. Ведь он все чувствует и слышит. Подумайте об этом маленьком человечке!» (Москва).

Материнство и беременность также рассматриваются как самодостаточные и очевидные основания для освобождения, не требующие дальнейшей аргументации:

<sup>32</sup> S. Duncan: Mothering, class and rationality // *The Sociological Review*, 2005. V. 53 (1), 53.

<sup>33</sup> Все высказывания, кроме специально оговоренных, взяты с электронного ресурса <http://bakhmina.ru/ru/>.

«...А наши сроки заключения, стоит только примерить их на себя, ужасают: и 6 месяцев представляется любому страшной карой, а тут более 6 лет. Для женщины! Матери!! Беременной!!! Господа законодатели, придумывающие сроки в УК, господа судьи, выносящие такие сроки в приговорах, господин президент, одумайтесь!!!» (Хабаровск).

Материнство в этом случае рассматривается как «природная инстанция» или особое состояние: «Матерям не место в тюрьме» (Санкт-Петербург, безработный). Или: «Она беременна. Этим сказано все. Абсолютно все» (Москва). Авторы обращений регулярно упоминают особую связь между матерью и ребенком, и, таким образом, благополучие ребенка, за которое несет ответственность мать, становится важным аргументом в пользу особого отношения: «Ведь так не должно быть на свете, чтоб были потеряны дети! Мама и дети – едины! Новый человек должен быть рожден на свободе!» (г. Одинцово, мама). Разлучение матерей и детей вызывает страдание, и наносить его – преступно:

«Господин Медведев, воспользуйтесь своим правом помилования. Самое большое наказание и самое страшное для матери – находиться в дали от детей. У ВАС ЕСТЬ ДЕТИ? Днепропетровск»<sup>34</sup>.

Заключение матерей в тюрьму квалифицируется как безнравственный поступок, который может быть приравнен к терроризму:

«Судебная власть, держащая в тюрьме (!) беременную, к тому же имеющую на иждивении двоих малолетних детей, выступает как террорист-нелюдь, берущий в заложники детей и женщин. Где же и что же наши т.н. “Таранты”, нынешний и прежний? Представили хотя бы на минуту своих жен и детей в подобной ситуации» (Москва).

Еще одна линия аргументации апеллирует к мужественности, наличие которой не позволяет обижать слабых: «Мне казалось, что даже подполковники КГБ иногда могут быть МУЖЧИНАМИ (Москва – Houston, биолог)». Некоторые авторы указывают на политическую подоплеку дела и считают его позором для российской судебной системы:

«Женщина без уголовного прошлого, без крови на руках-мать 2х маленьких детей,беременная --сидит в тюрьме -это позор российскому правосудию! Но что еще меня удивляет так это поведение первых дам России--где их слово в защиту....и

<sup>34</sup> Цит. по: М. Чудакова. Не поможет, конечно, но хоть стыдно не будет // Новая газета. 2008. 12 октября. URL: <http://blogs.novgaz.ru/users/1723251/post87226339>.

что стоят все эти титулы и награды полученные от ЦЕРКВИ! Просто не понимаю...» (Израиль – педагог).

Эти комментарии, особенно те, что оставлены «иностранцами» (живущими в США или Израиле, странах, где имеются значительные русскоязычные диаспоры), содержат следующее противоречие. Их авторы, указывая на аморальность ареста матерей и стыдя российскую пенитенциарную систему, не упоминают о том, что уголовное законодательство демократических стран, где они живут, не предусматривает особого обращения с матерями и беременными женщинами. Это заставляет предположить, что возмущение заключением С. Бахминой может иметь иные основания, чем жестокое обращение с матерью как таковое.

### *б. Да или нет?*

Аргументация как за, так и против досрочного освобождения С. Бахминой строилась на основе апелляции к морали и справедливости. В последнем случае, однако, «справедливым» считалось не проявление милосердия к матерям, а «классовая» справедливость, т.е. получение «капиталистами», в когорту которых, по мнению многих, входила С. Бахмина, заслуженного ими наказания. Согласно этой точке зрения, будучи членом Совета директоров ЮКОСа, С. Бахмина участвовала в криминальных схемах ухода от налогов, отмывания денег и выведения из России в офшорные компании огромных капиталов. Многие россияне рассматривают ЮКОС, а также те фирмы (например, «Хопёр-инвест»), в которых С. Бахмина работала ранее, как вдохновителей постсоветской вакханалии криминальной наживы, во время которой произошло преступное перераспределение национального богатства. Это мнение неоднократно высказывалось при обсуждении дела Бахминой:

«...Вспомните сколько крови пролилось при переделе собственности и приватизации. Какими способами пользовалась власть, перелицовывая историю и насилуя наши души. Воистину СЫТЫЙ ГОЛОДНОГО НЕ РАЗУМЕЕТ и обратно. Власть и СМИ, халявные бешеные бабки и продажные адвокаты предельно озлобили социум... САМИ КОВАЛИ И ЗЛОБУ И НЕ-НАВИСТЬ НАРОДНУЮ – вот и расплачиваетесь за это. Я сам подписался за освобождение Бахминой и других женщин-матерей из тюрем по статьям менее существенным, чем у нее. Но у тех женщин НЕТ хорошо оплачиваемых юристов. До них нет дела хорошо заплаченных протитуированных СМИ. Почему не была поднята массивная компания такого накала с 90 годов за освобождение беременных женщин и матерей из тюрем Ельцинской России. Все было правильно, молчали правозащитники в тряпочку, а вот с Бахминой все наоборот. Вам не нужны сотни Машек укравших кусок хлеба для своих детей.

Вам подавай деву Марию с изрядным капиталцем от криминальных фирм Ходорковского...»<sup>35</sup>

Такая точка зрения основывается на том, что развал экономики, имевший место в 1990-х годах (когда Ходорковский и другие олигархи сформировали свои состояния), вызвал большее падение производства, чем во время революции, а также Гражданской и Отечественной войн<sup>36</sup>. Эта экономическая катастрофа имеет и человеческое измерение: согласно исследованию, опубликованному в британском журнале *The Lancet*, массовая приватизация в посткоммунистических странах может являться причиной по меньшей мере «миллиона преждевременных смертей»<sup>37</sup>; в отношении постсоветского региона иногда называется цифра в пятнадцать миллионов.

Таким образом, с самого начала дело Бахминой оказалось средоточием социального противостояния, а его дискурсивной кульминацией можно считать специальный выпуск телевизионного ток-шоу «К барьеру», вышедшего в эфир 30 октября 2008 года на Первом канале. Передача, которую ведет известный тележурналист Владимир Соловьев, называется так потому, что в ней сходятся и излагают свои позиции два «дуэлиста» с противоположными взглядами на какую-то общественно значимую тему, а исход поединка решается зрительским голосованием. На этот раз сторона, выступавшая в поддержку С. Бахминой, была представлена Валерией Новодворской, бывшей советской диссиденткой, правозащитницей, проповедницей либеральных взглядов (ее правая позиция имела своими корнями глубокие антисоветские убеждения) и со-основательницей, совместно с харизматическим миллионером Константином Боровым, Партии экономической свободы<sup>38</sup>. Ее оппоненткой выступала Мария Арбатова, писательница, медиаперсона и популярная феминистка.

Начиная изложение своей позиции, В. Новодворская представилась членом *правой* (т.е. либеральной) партии и русским интеллигентом. Выступая за досрочное освобождение Бахминой, она апеллировала к необходимости проявить милосердие по отношению к матери, а также к политическому характеру дела, которое считала сфабрикованным. В качестве прецедента Новодворская упомянула

<sup>35</sup> См.: Блогеры выступили против досрочного освобождения беременной Бахминой // *Popmal Newsland*, URL: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/312600/cat/42/>. Выделено, как в оригинале.

<sup>36</sup> См. А. Illarionov: *The Russian Reforms of 1991–2011*. Moscow: *The Institute for Economic Analysis*; Washington, D.C: CATO Institute, 2012. URL: <http://iea.ru/article/macroeconom/2-02-2012.pdf>.

<sup>37</sup> D. Stuckler, L. King, M. McKee. Mass privatization and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis // *The Lancet*, 2010, 31 January, V. 373. Iss. 9661, 399–407.

<sup>38</sup> См.: Общероссийская политическая общественная организация «Партия экономической свободы» // *Моя политика*, 2000, URL: <http://polpred2.narod.ru/ppm/pesv.html>.

дело Геси Гельфман, участницы террористической организации, связанной с убийством царя Александра II в 1881 году. Суд приговорил Гельфман к казни, но после того как выяснилось, что она беременна, казнь была отложена до рождения ребенка, а затем заменена на бессрочное тюремное заключение. В. Новодворская утверждала, что те, кто держит в тюрьме беременную Бахмину, сотрудничают с современными палачами, которые гораздо страшнее царских сатрапов.

Оппонентка Новодворской Мария Арбатова, высказывавшая в своих ранних книгах либеральные взгляды, но в последние годы сместившаяся влево, опровергала аргументы в пользу досрочного освобождения С. Бахминой, предлагая участникам передачи ответить на следующие вопросы: может ли милосердие распространяться только на одну группу людей – на богатых? Следует ли освободить из тюрем *всех* беременных женщин? И, наконец, почему российские правозащитники защищают только Бахмину, а не всех заключенных женщин?

В обоснование своей позиции М. Арбатова выдвинула три аргумента. Во-первых, она настаивала на том, что интерес к делу со стороны либеральной общественности связан с интересами ее членов, их вовлеченностью в бизнес, а вовсе не заботой о заключенных женщинах. Арбатова утверждала, что В. Новодворская защищает только «VIP-эков»: почему, спрашивала она, вы требуете снисхождения к Бахминой, привилегированной и «раскрученной» заключенной, чьим делом занимается Запад и международное правозащитное сообщество? А как насчет других находящихся в заключении матерей – тех, что украли мешок картошки, чтобы прокормить детей, в то время как Бахмина украла миллионы? Почему никого не интересует, насколько справедливо судили *их*? В настоящее время, продолжала М. Арбатова, в российских тюрьмах находятся три сотни беременных женщин и более тысячи матерей с маленькими детьми: почему до сих пор никто не выступил в *их* защиту? По ее мнению, российские либералы мобилизовались в поддержку Бахминой, потому что в ее кампанию были вкачаны миллионы:

«...Освобождение Бахминой означало неподсудность богатых... Я уже сто раз напомнила, что параллельно Бахминой арестованной беременной Татьяне Харламовой на пересылке устроили выкидыш. И никакую общественность это ни капельки не взволновало потому, что за Харламовой не было бабок. А её преступлением были не хищения в особо крупных размерах... А Бахмину защищали все, кто мог сесть также, как она или их близкие... Так что если вы ничего не украли и не вывезли из страны, то Бахмина - это не про вас...»<sup>39</sup>

<sup>39</sup> Пусси Райот – это не три Бахмины, а три Харламовы // *Блог Марии Арбатовой в ЖЖ*, 2012, 24 июля, URL: <http://arbatovagidepar.livejournal.com/680992.html#comments>.

Настаивая, что милосердие должно оказываться людям независимо от их финансового положения, М. Арбатова утверждала, что истинная причина кампании в защиту Бахминой состоит в ее классовой принадлежности: ее освобождение будет означать неподсудность богатых.

Во-вторых, Арбатова выступала против досрочного освобождения С. Бахминой, исходя из либерально-феминистской аргументации, т.е. равенства мужчин и женщин перед законом. Если, задавала она вопрос, Бахмина является обычной воровкой, а вор должен сидеть в тюрьме, то почему следует делать исключение для женщин?

И наконец, М. Арбатова протестовала против того, чтобы беременность служила «пропуском на свободу». С ее точки зрения, Бахмина забеременела специально, чтобы выйти из тюрьмы, а ее освобождение станет знаком «для всех этих эзеч», что беременностью можно воспользоваться, а это противоречит интересам ребенка. В тюрьме, полагала она, в таком случае попросту возникнет рынок спермы: «Но я против того, чтобы шла кампания романтизации беременных женщин. Я против того, чтобы дети зачинались и рождались в тюрьмах для облегчения уголовных преступлений. Я против. Я защищаю права этих детей»<sup>40</sup>. Таким образом, она выступала против использования женщинами репродукции и беременности в собственных интересах и в то время, когда те считают это необходимым, апеллируя к интересам ребенком, но, возможно, руководствуясь еще какими-то соображениями.

Позиция Арбатовой, многими расцененная как «бесчеловечная», получила поддержку большинства телезрителей: дуэль была выиграна со счетом 68981 голосов против 56818 у Новодворской. Эти цифры не являются объективными с социологической точки зрения, однако они указывают на социальное разделение, относящееся, однако, в большей степени к классу, чем гендеру. Аргументы за освобождение Бахминой касались материнства; аргументация против обосновывалась отсылкой к классу и классовому неравенству. Таким образом, дискуссия, формально сосредоточенная на гендерной проблеме, превратилась в обсуждение классового неравенства и социальной справедливости, и оппоненткой феминистки Арбатовой была выбрана не антифеминистка, а сторонница экономического либерализма.

### *в. Феминистская позиция*

Чтобы получить представление о позиции тех, кто рассматривает дело Бахминой с точки зрения женских интересов, можно

<sup>40</sup> Стенограмма передачи «К барьеру» с участием Марии Арбатовой и Валерии Новодворской // Портал LIBERTY.RU / СВОБОДНЫЙ МИР, 2008, 31 октября, URL: <http://www.liberty.ru/groups/media/Stenogramma-peredachi-Vladimira-Solov-eva-K-bar-eru!-s-uchastiem-Marii-Arbatovoj-i-Valerii-Novodvorskoj>.

обратиться к обсуждению, состоявшемуся в интернет-сообществе *Feministki*<sup>41</sup> в «Живом журнале». Это сообщество было создано около десяти лет назад для обсуждения женских и гендерных проблем, и его участницы принадлежат к различным профессиональным и возрастным группам, но, очевидно, большинство составляют женщины от 20 до 35 лет, хотя некоторые старше. Согласно правилам комьюнити, все члены имеют право как публиковать собственные сообщения («посты»), так и комментировать чужие; в сообществе запрещены оскорбления или уход от темы, и модераторы могут «забанить» нарушителей; постинги на острые темы размещаются в режиме private (т.е. видимы только членам сообщества) во избежание «интернет-глумления» и троллинга. Не члены сообщества могут комментировать сообщения, но не имеют возможности их размещать. Язык общения – русский, и большинство участниц живут в России, Беларуси и Украине; небольшое количество проживает в Европе или Северной Америке. Члены сообщества используют *ники*, хотя идентичность некоторых из них не является секретом<sup>42</sup>.

Сообщение, послужившее началом обсуждения дела С. Бахиной, было размещено в сообществе на следующий день после выхода передачи «К барьеру»; под ним было оставлено 325 комментариев. Большинство участниц дискуссии поддержали досрочное освобождение, аргументируя это тем, что «если такой закон существует, его следует применить и в этом случае». Основные споры, однако, развернулись вокруг того, насколько существование такого закона (который один из членов сообщества, мужчина, назвал привилегией) правомочно, так как он ставит под сомнение самый принцип гендерного равенства:

«Но все же, что делать с проблемой того, что, отпуская дифференцированно женщин с малолетними детьми, мы оказываем медвежью услугу феминизму?... Если можно оправдать альтернативное правосудие для женщин, то почему можно возмущаться альтернативной оплатой труда?»<sup>43</sup>

Эта логика находится в русле либеральной аргументации, и одна участница обсуждения указала на равное значение обоих родителей для благосостояния ребенка, а другие настаивали на необходимости освобождения отцов наравне с матерями: «И ещё: мы тут все за равноправие мужчин и женщин, ага? Тогда надо бороться

<sup>41</sup> Блог сообщества *Feministki* в «ЖЖ» <http://feministki.livejournal.com/>.

<sup>42</sup> См. о сообществе: frau\_derrida, isya, mij. Польза от разговоров. Об опыте одного просветительского проекта в блогосфере // Гендерная дискриминация: практики преодоления в контексте межсекторного взаимодействия. Иваново, 2009. С. 107-114. URL:[http://www.host-trade.ru/icgs.ru/images/files/izdat/Gender\\_2.pdf](http://www.host-trade.ru/icgs.ru/images/files/izdat/Gender_2.pdf).

<sup>43</sup> Дискуссионная цепочка. 31 октября 2008. URL: <http://feministki.livejournal.com/878510.html>.

и за права сидящих отцов. Давайте мужчин тоже выпустим»<sup>44</sup>. Считая материнство не биологическим состоянием или «особой связью», а социальной деятельностью, работой по уходу и воспитанию (потому в одной из комментариев Бахмина была названа «безответственной»), участницы настаивали на важности обоих родителей:

«Я за то, чтобы эти нормы применялись одинаково к обоим полам. С какой стати не отпустить на свободу мужчину, у которого дома беременная жена? Или новорожденный ребенок? Этому ребенку очень помогло бы присутствие отца».

Отстаивая равную ответственность отца и матери за благополучие ребенка («в некоторых семьях отец важнее»), феминистки преследовали цель *включить мужчин в социальный процесс воспроизводства*, а также выступали против того, чтобы беременность рассматривалась как причина для смягчения наказания или досрочного освобождения:

«Если что, я всё-таки за поблажки для матерей, типа лучших условий, большего количества и более длительных свиданий с родственниками. Но никак не освобождения, иначе все идеи равноправия летят к чертям. Пускай будет УДО для молодых родителей, но тогда и для отцов тоже. Все семьи разные: возможно, в какой-то семье ребёнок может больше получить от папы».

Большинство участниц обсуждения выступали за равенство («Я за закон, который включал бы всех») и отвергали особое обращение как привилегию. Возникает вопрос: почему то, что являлось гарантией гендерного равенства при социализме, рассматривается многими постсоветскими феминистками как угроза ему? Иными словами, почему смысл «социальной защиты» изменяется при переходе от социализма к капитализму? И как различие позиций в деле С. Бахминой может быть связано с «классовой позицией» его носителей и их отношением к «капитализму» и «социализму»?

### **Между «безразличным» рынком и «добрым» правительством**

Как указывали исследовательницы постсоциализма С. Гал и Г. Клигман, проблемы воспроизводства, аборта и нормативной сексуальности оказались среди тех, которыми новые демократические правительства региона занялись в первую очередь после

---

<sup>44</sup> Отец подлежит досрочному освобождению, только если является единственным родителем.

прихода к власти<sup>45</sup>. Очевидно, это произошло потому, что общественное внимание было уже привлечено к гендерной теме: например, перечисляя в период перестройки стоящие перед страной задачи, М. Горбачев отметил, что советские работающие матери несут двойную нагрузку. Это, полагал он (и многие другие), имеет негативные последствия для семьи и общества, а потому женщин необходимо «освободить», чтобы они могли больше времени уделять семье<sup>46</sup>. Одна из попыток воплотить эти идеи в жизнь была осуществлена в сентябре 1991 года во время проходившего в Москве Пятого и, как оказалось, последнего, Съезда народных депутатов СССР, в повестке дня которого было принятие «Декларации прав и свобод человека».

Этот документ, который должен был установить принципы демократического общежития, содержал, среди прочих, Статью 20, гласившую: «Семья, материнство и детство охраняются государством»<sup>47</sup>. Скорее всего, эта статья перекочевала в «Декларацию» из какого-то советского документа, однако депутаты подошли к заявлению серьезно и сосредоточились на длительности оплачиваемого отпуска по беременности и уходу за ребенком. Такой отпуск является формой «освобождения» женщин для выполнения работы по воспроизводству, и начиная с 1950-х его длительность росла по мере того, как к полностью оплачиваемым четырем месяцам в 1970-х был добавлен год частично оплачиваемого отпуска, а впоследствии три частично оплачиваемых года и три неоплачиваемых, которые учитывались как рабочий стаж<sup>48</sup>. Во время обсуждения Статьи 20 кто-то из депутатов Съезда предложил продлить оплачиваемый отпуск для женщин до пяти лет, затем до десяти, а затем до двадцати одного года. Инициатива была одобрена, однако впоследствии отменена президентом Б. Ельциным ввиду недостатка средств.

Эту историю можно рассматривать как своеобразную «фрейдовскую оговорку», позволяющую выявить «тайные намерения» и «бессознательные страхи», выразителем которых при выходе из социализма стала социальная защита женщин. Демонстрируя заботу о матерях, депутаты, очевидно, стремились получить и некоторые моральные дивиденды. Проблема, однако, состоит в том, что при переходе к рынку политика протекционизма обретает новые смыслы и социальные последствия, т.к. с распадом социализма ра-

<sup>45</sup> S. Gal, G. Kligman: *The Politics of Gender After Socialism*, Princeton: Princeton University Press 2000, 15.

<sup>46</sup> M. Gorbachev: *Perestroika. New Thinking for our Country and the World*, New York: Harper and Row 1987, 117.

<sup>47</sup> Декларация прав и свобод человека: одобрена Съездом Народных депутатов СССР 5 сентября 1991, №. 2393-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. 11 сентября. № 37, URL: [http://euro-ombudsman.org/reference/laws\\_and\\_other\\_documents/deklaratsiya-sssr-prav-i-svobod-cheloveka](http://euro-ombudsman.org/reference/laws_and_other_documents/deklaratsiya-sssr-prav-i-svobod-cheloveka).

<sup>48</sup> Формально отпуск мог взять любой из родителей, но мужчины брали его очень редко.

ботники начинают *продавать* свою рабочую силу, причем в условиях одновременного перехода к постиндустриальной экономике и замещения промышленной занятости работой в сфере обслуживания, развлечений, заботы, торговли, информации и т.д.<sup>49</sup> Результатом этого процесса становится изменение характера занятости: в постиндустриальном мире работа часто является «неустойчивой» (*precarious*). Она часто является временной, осуществляется командами, собранными для реализации отдельных проектов, не предполагает социальных гарантий (выплат в пенсионный фонд, оплаченного отпуска); разделяется на субпроекты, выполнение которых делегируется исполнителям в различных регионах, и т.д. Работники, входящие в класс «прекариата»<sup>50</sup>, как называет эту группу социолог Г. Стэндинг, находятся в ситуации мнимой свободы, т.к. формальный менеджерский контроль над ними, характерный для фордистской индустриальной экономики, может в этом случае отсутствовать. Предполагается, что работники постиндустриальной эпохи контролируют себя сами, неся ответственность за своевременное выполнение проекта под угрозой потери оплаты, и, обладая «соревновательной» психологией, постоянно выставляют на рынок занятости свои умения и достижения, т.е. являются продавцами собственного рабочего потенциала.

Идеальный работник этой новой эры, желая быть успешным на глобальном рынке услуг, должен заниматься постоянным и интенсивным производством и коммерциализацией себя как специалиста, а также организовывать свою жизнь в соответствии с требованиями рынка. В условиях интенсивного «капиталистического соревнования» работник представляет интерес тогда, когда в нем есть необходимость, а потому контроль над ним является постоянным, т.к. человек контролирует себя сам, пытаясь оставаться «необходимым»; работодатель же заинтересован в том, чтобы работники были всегда в состоянии готовности и принадлежали ему «полностью». Например, несколько лет назад российский предприниматель Михаил Прохоров, кандидат от либеральной оппозиции на президентских выборах 2012 года, выступил с инициативой увеличения рабочей недели до 60 часов – при условии согласия работников – в качестве меры, необходимой для повышения производительности труда и экономической эффективности<sup>51</sup>. Этот пакет также содержал предложение предоставить работодателям право изменять рабочий контракт в соответствии со своими нуждами, увеличить список причин, по которым работа может считаться временной, а также уменьшить срок оповещения об увольнении с двух месяцев до одного и так далее.

<sup>49</sup> См. например, R. Florida: *The Rise of the Creative Class*, New York: Basic Books 2002.

<sup>50</sup> G. Standing: *The Precariat*, City: Bloomsbury Academic 2011.

<sup>51</sup> Прохоров предложил ввести 60-часовую рабочую неделю // *Лента*, 2010, 1 ноября, URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/01/nedelya/>.

Такие инициативы, апеллирующие к экономической эффективности, могут иметь гендерные «последствия». В принципе, рынок может быть «безразличен» к гендеру, что считается его сильной стороной: работодателю важен не пол работника, а его эффективность. Однако это верно только в том случае, если пол (или другая социальная характеристика) не проявляется как «различие», препятствующее эффективности. Идеальный наемный работник «не имеет пола», однако в реальной жизни люди имеют гендерно структурированные роли и обязанности и, чтобы общество не «закончилось», должны воспроизводиться. Помимо этого, организации и учреждения «постиндустриальной экономики» также гендерно структурированы, однако сформировавшиеся в них механизмы воспроизводства гендерных различий «отличаются от тех, что были характерны для традиционных организаций и карьерных траекторий»<sup>52</sup>. Гендер, который можно рассматривать как «устойчивую привязку некоторой группы к определенной сфере социальной деятельности»<sup>53</sup>, воспроизводится в процессе того, как происходит сегрегация работников на «более» и «менее» конкурентоспособных. Часто это означает разделение на женщин и мужчин, и некоторые российские эксперты указывают на гендерные последствия описанной выше модели занятости<sup>54</sup>: 60-часовая рабочая неделя вызвала бы удаление многих матерей с рынка труда, а если работники должны быть «доступны и готовы» в режиме нон-стоп, женщины с детьми, т.е. люди, занятые и производством, и воспроизводством, могут оказаться неконкурентоспособными. Репродуктивная деятельность имеет для них свою социальную цену: «Ее платят те, кому эта деятельность приписана, даже независимо от того, есть ли и будут ли у них дети... в этом смысле гендер (гендерное различие) постоянно воспроизводится и накладывается на его носителей»<sup>55</sup>. Эта социальная цена имеет экономическое выражение: например, в США «почасовая оплата работниц после рождения ребенка уменьшается в среднем на 3,9%»<sup>56</sup>.

В этих условиях работники, которым «приписаны» репродуктивные обязанности, стремятся к их де-натурализации. Женщины, «испытывавшие противоречие между включением в рынок труда, т.е. сферу прав и равенства, с одной стороны, и, с другой, социальной ценой отнесения к женскому полу, т.е. сведения к некоторому ко-

<sup>52</sup> C. Williams, C. Muller, K. Kilanski: Gendered Organizations in the of New Economy Earnings // *Gender and Society*, 2012, V. 26 (4), 571.

<sup>53</sup> The Logic of Gender: On the separation of spheres and the process of abjection // *Endnotes*, 2013, № 3, URL: <http://endnotes.org.uk/en/endnotes-the-logic-of-gender>.

<sup>54</sup> См. О. Крылова: Поправки РСПП к Трудовому кодексу. Гендерный аспект // Сайт Института «Коллективное действие», 2010, 19 ноября, URL: <http://www.ikd.ru/node/15184>.

<sup>55</sup> The Logic Of Gender...

<sup>56</sup> E. Dechter: Maternity Leave, Effort Allocation, and Postmotherhood Earnings // *Journal of Human Capital*, 2014, V.8 (2), 97-125. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/677324>.

личеству приписанных ролей»<sup>57</sup>, ищут стратегии, которые позволили бы им оставаться конкурентоспособными, и подают сигналы, свидетельствующие, что они готовы к *равной* (а не *разной*) ответственности. Очевидно, именно такие «сигналы» пытались сформировать «феминистки» при обсуждении дела Бахминой, настаивая на равной ответственности отцов в присмотре за детьми, т.к. это уравнивает шансы мужчин и женщин на рынке труда. В подтверждение такой интерпретации можно привести тот факт, что члены виртуального русскоязычного сообщества чайлд-фри, обсуждая причины, по которым они не хотят заводить детей, указали, что «для женщин быть чайлд-фри – это прежде всего свобода работать, а для мужчин – это свобода НЕ работать»<sup>58</sup>. Очевидно, женщины, отвергающие особое обращение, пытаются противостоять структурирующим гендерным практикам и «заполучить» свои тела для участия в капиталистическом рынке «на равных основаниях», и позицию «феминисток» можно рассматривать как ответ на вызов рынка. Чтобы считаться равными, автономными субъектами и экономическими акторами, женщины не должны ассоциироваться с выполнением репродуктивного труда. Если в глазах депутатов последнего советского Съезда женщина не имела иной субъектности, помимо материнской, становится понятно, против чего протестует М. Арбатова, когда, выступая за признание женской автономии и статуса независимых субъектов, не определяющихся исключительно через деторождение, заявляла в одной из своих книг: «Права женщин существуют отдельно от прав детей»<sup>59</sup>.

Многие исследователи отмечали, что неолиберальная политика 1990-х имела серьезные демографические последствия и привела к тому, что британская исследовательница П. Уотсон называет «катастрофическим гражданством»<sup>60</sup>. С превышением смертности над рождаемостью и на волне недовольства экономическими реформами во многих странах региона к власти пришли представители партий, обещавших ограничить рынок и начать восстановление системы социального распределения. В ряде стран с целью улучшения демографической ситуации были сделаны попытки «инвестиций в воспроизводство»<sup>61</sup>, т.е. восстановления старых и введения новых мер поддержки материнства. Так, в 2006 году президент В. Путин признал, что репродуктивная деятельность негативно сказыва-

<sup>57</sup> A. Melucci: *Challenging Codes. Collective Action in Information Age*, New York: Cambridge University Press 1996, 142.

<sup>58</sup> Цит. по: О. Исупова: Добровольно бездетные или «свободные от детей» // Полит.ру, 2010, 15 октября, URL: <http://www.polit.ru/analytics/2010/10/15/childfree.html>.

<sup>59</sup> М. Арбатова: *Как я пыталась честно попасть в Думу*, М.: «Эксмо» 2003, 44.

<sup>60</sup> P. Watson: *Catastrophic Citizenship and Discourse of Disguise Aspects in Poland // Health Care Reform and Globalisation: The US, China and Europe in Comparative Perspective*, P. Watson (ed), New York and London 2013.

<sup>61</sup> L. Cook: *Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russian and Eastern Europe*, Ithaca and London: Cornell University Press 2007.

ется на женском статусе, т.к. многие матери вынуждены покидать рынок труда, и выступил с инициативой введения *материнского капитала*: единовременного пособия матерям, родившим второго или третьего ребенка<sup>62</sup>. Кроме этого, российские профсоюзы предложили внести поправки в трудовое законодательство, касающиеся женщин с детьми до трех лет и гарантирующие им возможность работать 25 часов в неделю (5 часов в день), получая полную зарплату<sup>63</sup>. В качестве еще одной меры социальной защиты Трудовой кодекс России ограничивает доступ женщин к некоторым профессиям, в том числе связанным с физическими нагрузками. В июле 2014 года белорусское правительство одобрило список из 186 запрещенных для женщин профессий, т.к. они могут нанести вред репродуктивной функции: среди них вождение автобусов и грузовиков, сбор яблок на высоте более 140 см и другие<sup>64</sup>; в России этот список содержит более четырехсот позиций<sup>65</sup>.

Эти инициативы можно рассматривать как свидетельства «общественного патриархата». Как указывает М. Ривкин-Фиш, в России (и других странах региона) проблемы аборта, рождаемости и материнских льгот, призванных стимулировать женщин к рождению нескольких детей, стали постоянными темами общественных дискуссий и площадками, где формируется гендерное неравенство и происходят переговоры о социальной власти<sup>66</sup>. Социальная политика, направленная на поддержку «различия», требует сильного государства (или «большого правительства»), способного собрать налоги и установить социальное распределение. Поэтому «защита материнства и детства» может служить моральной легитимации – посредством демонстрации приверженности социальной справедливости – авторитарных (что происходит, например, в Беларуси) и националистических режимов. Летом 2014 года кирил-

<sup>62</sup> Интересно, что в обсуждении этого законопроекта на либеральной радиостанции «Эхо Москвы» участвовали трое мужчин и ни одной женщины; в другой передаче мужчина-эксперт заявил, что «...мы должны простимулировать женщину родить еще одного ребенка».

<sup>63</sup> М. Грицук: Минус 3 часа: Для мам с малышами – щадящий график работы // *Российская газета: официальный сайт*, 2011, 29 сентября, URL: <http://www.rg.ru/2011/09/29/tri-chasa.html>.

<sup>64</sup> Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. 12 июня 2014 года № 35 «Об установлении списка тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин».

<sup>65</sup> Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин признал такой список нарушением прав женщин. См. «Список запрещенных для женщин профессий в России нарушает их права и подлежит изменению, – считают эксперты ООН» / Объединенные нации. Права человека. Управление Верховного комиссара, 14.03, 2016, URL: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=17226&LangID=R>.

<sup>66</sup> М. Rivkin-Fish: Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of «Maternity Capital» // *The Slavic Review*, 2010, V. 69 (3), 701-725.

личный сегмент Интернета обсуждал выдвинутую российским законодателем инициативу запретить продажу табака женщинам, не достигшим 40 лет, т.е. находящимся в активном репродуктивном возрасте<sup>67</sup>. Одновременно с этим в России (и еще ранее в ряде постсоциалистических государств Европы) были выдвинуты инициативы по ограничению женского репродуктивного выбора; в Абхазии были полностью запрещены аборт; появилась информация о возрождении «женского обрезания» в Дагестане. «Льготы» часто сопровождаются риторикой «дара» (подарка) женщинам со стороны *мужчин* или *государства*. Их введение требует ограничения или «окультуривания» (термин Н. Фрейзер) рынка, т.е. его государственного регулирования, и в этой точке дискуссии о гендерных ролях могут переходить в обсуждение классовой стратификации.

Политику регулирования обычно приветствуют те женщины, чье трудовое участие или даже выживание в ином случае были бы невозможны, однако в условиях рынка и борьбы за эффективность часть женщин может рассматривать такие меры как инструмент ограничения их автономии. Концепция материнского капитала, который, по сути дела, означает плату за репродуктивный труд, подверглась критике со стороны феминисток и гендерных исследовательниц, поскольку такая выплата «не может компенсировать той социальной и экономической автономии, которую дает оплачиваемый труд вне дома»<sup>68</sup>, но превращает матерей в «получателей льгот», т.е. тех, кто подлежит регулированию и контролю. При такой модели социального воспроизводства женщины в условиях рынка получают статус «иждивенок» или «зависимых»: одним из свидетельств такого отношения к ним может служить внесенный в 2013 году в российскую Думу законопроект, согласно которому женщины должны получать *разрешение* у мужей на аборт. Очевидно, что люди, которые должны спрашивать разрешение у других людей право на свое собственное тело, не являются автономными, полными гражданами, и некоторые либеральные феминистки полагают: «Когда женщинам отказывают в праве рисковать на работе здоровьем и жизнью, сидеть в тюрьме, служить в армии и т.д., государство беспокоится более о своих корпоративных интересах, чем о нуждах конкретной женщины»<sup>69</sup>. Часть женщин, настаивающих на праве выбирать «восхождение на эшафот», стремится таким образом утвердить свою автономию и человеческую полноценность, однако эти требования следует рассматривать в широком контексте постсоветского классовообразования, т.к. с возникновением «буржуазного» класса происходит структуризация среди женщин. Если «льготы» могут быть инструментом усиления гендерного различия и удаления женщин с рынка труда, то возникновение

<sup>67</sup> Законопроект был отвергнут как противоречащий Конституции РФ.

<sup>68</sup> A. Rotkirch, A. Temkina, E. Zdravomyslova: Who Helps the Degraded Housewife? // *European Journal of Women's Studies*, 2007, V. 14 (4), 350.

<sup>69</sup> Н.В. Тищенко: *Гендерные аспекты тюремной субкультуры в современной России*, Саратов: «Наука» 2007, 96.

(невозможной при социализме) буржуазной семейной модели с мужчиной-кормильцем и женщиной – хозяйкой дома происходит в рамках определенного класса. В условиях политики «жесткой экономии», т.е. экономической либерализации и сокращения социальных расходов в ответ на последний кризис, «одомашнивание» женщин и делегирование работы по уходу в частную сферу может иметь целью решение проблемы «заботы» (присмотр за детьми, больными, и стариками), т.е. не только экономического, но и социального кризиса<sup>70</sup>. С другой стороны, «одомашнивание» можно рассматривать как часть процесса постсоветского классовообразования, в рамках которого происходит как формирование «буржуазного класса», так и расслоение среди женщин, когда «автономные» (работающие) женщины нанимают других, ниже оплачиваемых женщин, для присмотра за детьми. Этим, в частности, объясняется «классовый характер» части постсоветского феминизма<sup>71</sup> и нередко наблюдаемое презрение либеральных феминисток к женщинам, оказавшимся неуспешными на рынке и полагающимися на «льготы». Нэнси Фрейзер признает (в другом географическом контексте), что феминизм мог оказаться «на одной стороне» с глобальным капитализмом<sup>72</sup>, т.к. концепт «автономии» исторически подключен к понятию «класс».

## В заключение

Аргументы «равенства», к которым иногда прибегают в постсоветских феминистских дискуссиях, подобны тем, которые использовала в конце XVIII века де Гуж, и тому есть причина. Эти дискуссии, хотя и имеют место через двести лет после событий Французской революции, происходят в обществе, где (вновь) формируются капиталистические отношения и складывается буржуазная идеология, а во всем мире при этом обсуждается политика мер жесткой экономии, т.е. сокращения социальных услуг, что имеет первостепенное значение для конструирования гендерных ролей. В тех же случаях, когда происходит продвижение идеи «различия», по умолчанию предполагаются и социалистические принципы распределения ресурсов, и соответствующая классовая структура. В таком случае «гендерное равенство» может играть роль смещенного аргумента в пользу социальной справедливости

<sup>70</sup> См. N. Fraser: *Between Marketization and Social Protection: Resolving the Feminist Ambivalence* // *Fortunes of Feminism*, London: Verso 2013, 233.

<sup>71</sup> См., например, Е. Минченя, О. Сасункевич: *Белорусский феминизм в постмарксистской перспективе* // *Правсвет*, 2012, 16 декабря, URL: <http://pravsvet.com/984>. Е. Гапова: *Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма* // *Журнал исследований социальной политики*, 2009, Т. 7, № 4, 465-484.

<sup>72</sup> N. Fraser: *How feminism became capitalism's handmaiden – and how to reclaim it* // *The Guardian*, 2013, October 14, URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/14/feminism-capitalist-handmaiden-neoliberal/print>.

(т.е. нерыночного распределения), а также являться полем борьбы за социальное государство и способы его воплощения. Таким образом, приверженцы феминистской идеологии оказываются перед ложной дилеммой, за что следует бороться: за автономию (независимость, признание полноценной субъектности) или за социальную защиту, которая переструктурировала бы социальные правила в их пользу<sup>73</sup>. Обсуждая феминистскую проблему «равенства» и «различия», мы (каждый раз на новом историческом витке) сталкиваемся с глобальным выбором: между (условными) капитализмом и социализмом. Ни тот, ни другой способы общественного устройства не решают проблему гендерного равенства сами по себе; однако – и пониманием этого мы обязаны опыту постсоциализма – очевидно: решить ее в отрыве от проблемы распределения также невозможно.

---

<sup>73</sup> Фрейзер определяет это как проблему выбора между борьбой за «признание» и борьбой за перераспределение.